

Марина
СЕРОВА

На кого бог пошлет

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
Комната страха
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167040
На кого бог пошлет. Комната страха: Эксмо; М.: 2002
ISBN 5-699-00010-0*

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	28
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марина Серова

Пролог

Лариса, старательно обтянув вокруг ног подол короткого мягкого и грязного платья, осторожно присела на гнилое, сухое сверху бревно. Мимо проносились машины, поднимали ветер. Он пах бензином и приятно охлаждал горящее нездоровым румянцем лицо, отгонял комаров, густо летящих из кустов за спиной. Люди, стоящие на остановке автобуса, поглядывали на нее с любопытством, и Лариса отворачивалась, страдая оттого, что нельзя встать и уйти хотя бы в кусты от них, а хорошо бы и вообще ото всех посторонних взглядов. Люди были почти ненавистны ей сейчас. Все. После того, что с ней сделали. Она и ушла бы, скрылась, спряталась, если б не желание поскорее добраться до города, а попасть туда можно только автобусом.

Автобусом она и приехала сюда нынче утром, сказав отцу, что хочет отдохнуть от уже успевшей надоест институтской суеты и провести выходной в тишине на даче. Начитаться досыта, подышать свежим воздухом, погреться на солнышке. Немного его, теплого солнышка, осталось. Середина сентября. Скоро зарядят дожди. Отец попросил привезти с дачи

яблок, его любимого аниса. Сказал еще, что на днях начнет вывозить урожай на машине. Сразу, как только со временем посвободнее станет и Георгий, водитель, утрясет свои очередные семейные неурядицы.

И в автобусе же, по дороге сюда, к ней начал приставать тот белобрысый, со слюнявыми губами подонок, которому она чуть не откусила ухо. Сначала он не показался Ларисе таким до тошноты отвратным, она даже улыбалась, отвечая на его глупые остроты. Откуда ж было знать, что с ним еще двое и что они выйдут на ее остановке и потянутся следом, молча, совсем не похожие на дачников.

К сожалению, она не насторожилась сразу – мало ли куда могут идти парни, даже если у них нет ни сумок, ни ведер, ни рюкзаков. Ведь дачный поселок, Волга вблизи! Да и какое ей дело до них!

Как оказалось, у них до нее было дело.

Лариса поднялась с бревна, отряхнула от мусора платье и направилась к людям, низко опустив голову, – по дороге, снижая скорость, к остановке подходил автобус.

Место ей досталось сзади, у окна, где больше трясло, но народу почти не было. Дородная тетка, устроив понадежнее завязанные белыми тряпицами ведра в проходе, уселась рядом, страдальчески глянула и произнесла под нос что-то вроде: «Ох, намаявшись». Лариса, чтобы не отвечать, отвернулась к окну...

Не предполагая ничего плохого, Лариса свернула с дороги на лесную тропинку – так ближе было до участка. И одна, и с отцом она ходила по этой тропинке не первый год и никогда не думала, что здесь может быть опасно. Дача почти, как дом, а что может грозить дома?

Вдруг она услышала за спиной треск сухих веток под неосторожными ногами, оглянулась и увидела за деревьями белобрысого с компанией, идущих следом, но и теперь не обеспокоилась, подумала только: «Прутся, козлы, по нашей тропке, других дорог для них нет!» А когда те ускорили ход и понемногу стали нагонять, заторопилась тоже, не желая выслушивать пошленькие комплименты, неизбежные, по ее мнению, в таком случае.

– Тебе слабо! – услышала она громкий ответ одного на негромкий вопрос другого. – Пошел на хер!

– Я-то зачем? Ты ее посади, орел!

Сказанное явно касалось ее, на комплимент это походило меньше всего, и она обернулась, впервые встревожившись по-настоящему. Компания догоняла торопливой трусцой, а приблизившись, перешла на шаг. Лариса посторонилась, все еще надеясь на лучший исход, но они, не говоря ни слова, с ходу обступили ее, белобрысый вцепился в сумки, а маленький, широкий, как пенек, подсек ей ноги. Подошвы скользнули по траве, и Лариса грохнулась на бок, даже не успев выставить руку – до того быстро все произошло.

Какие там сумки!

Белобрысый навалился сверху, с силой перевернул на спину и невероятно ловким движением с треском задрал подол ее платья чуть ли не до самой груди.

– Вы что! – крикнула Лариса, как ей показалось, на весь лес, и чья-то потная ладонь тяжелой жабой лягнулась на лицо и придавила так, что дышать стало невозможно.

Лариса попыталась закричать, и у нее почти получилось, но хрипло и совсем негромко, и тут же от оглушительной пощечины из глаз брызнули искры. На пару секунд она перестала чувствовать и слышать что бы то ни было, а когда пришла в себя, было поздно – ее крепко держали за щиколотки, распылив ноги в стороны до боли. Лариса окончательно потеряла способность к сопротивлению.

Белобрысый насиловал ее мучительно долго. После чего, обмякнув, он коснулся головой ее лица. Лариса в последнем приступе протеста вцепилась в его ухо зубами, вызвав дикий, почти звериный вопль.

Ларису зверски ударили ногой в бок... Когда она вновь обрела возможность воспринимать окружающее, на нее набросился, громко сопя, уже другой.

Они гнусно измывались над ней несколько часов подряд. Только от тропинки поглубже в лес оттащили, сволочи, чтобы не быть застигнутыми на месте преступления случайными прохожими. А когда их потенция пошла на убыль, ублюдков потянуло было на непотребство, но белобрысый не позволил. Видать, он у них был за главного.

– Легче, легче, – осаживал он зарвавшихся товарищей, – так не договаривались!

Под конец, уже ни на что не способные, они придумали еще одну, последнюю пакость. Коротышка достал из кармана аккуратно повешенных на ветку штанов маленький пластмассовый фотоаппарат и деловито, кадр за кадром, заснял жертву со всех мыслимых позиций. Двое других помогали ему, поворачивали ее, как считали нужным, и старательно отворачивались от объектива.

– Все, Архивариус? – спросили они коротышку, когда тот отщелкал всю пленку, и поторопили его, направившегося к штанам: – Смываемся!

Автобус потряхивало на ухабах, и измученное, ставшее неродным, тело болело. Только перед въездом в город Лариса забылась в желанной дреме и едва не проехала свою остановку.

Ни ключей, ни сумки у нее не было. Подонки оставили ей только деньги – перед уходом запихнули в кармашек, отыскав его на ее платье.

Лариса надавила на кнопку звонка и подумала, что отца может не быть дома и тогда в квартиру она не попадет, но дверь открылась.

– Ты уже?... Ларочка, что с тобой?

Закрыв ладонью рот, чтобы не закричать и не испугать отца еще больше, на подгибающихся, ватных ногах она прошла

мимо него и заперлась в своей комнате.

Глава 1

Черт побери всех, кто собрался сегодня в том месте, откуда мне наконец-то удалось уйти с соблюдением правил хорошего тона. И почему считается у нас едва ли не благодеянием присылать приглашения на мероприятия, которые людям моего круга интересными не могут быть в принципе? И почему неприлично взять эти завлекалочки и спровадить их в мусорное ведро?

Поводов для раздражения хватало. Но не могла не поехать на этот занюханный светский раут, если получила приглашение от человека вполне достойного и заслуживающего моего уважения.

Приглашение прислал Игорь Малышев, для друзей и близких просто Ганс. Он позвонил накануне, дабы убедиться, что я точно там буду.

Этим летом я помогла ему приобрести дом, сделка никак не выплясывалась из-за особой строптивости владельцев, пока я не взялась за дело. Дом, правда, тут же сгорел, но не по моей вине. Да и Гансу было наплевать, потому что на месте пожара он тут же развернул строительство вполне приличного современного особняка.

Удаляясь с презентации, я так и не знала названия фирмы, в честь которой был устроен этот шикарный междусобойчик. Не знаю, так ли за «бугром» или в наших столицах

и насколько типична программа пережитого мной мероприятия для Тарасова, но на меня этот сабантуй местного кулечества произвел впечатление праздника глаз и желудка – именно так бы я назвала его.

Дамы радовались удобному случаю выставить напоказ себя, свои туалеты и драгоценности. Джентльмены общались с ними и друг с другом при помощи междометий, гогота и разнообразных, не всегда приличных жестов. Едва же последовало приглашение к столу, вернее, к столам, накрытым в отделанном цветным мрамором холле, все общество, бывшее уже изрядно навеселе благодаря предварительным возлияниям, начинавшимся для каждой пары сразу по прибытии и стимулируемым дюжими бритоголовыми официантами в белых смокингах, ринулось туда, как... стадо баранов. Раскованность и непринужденность создавали впечатление, что все присутствующие находятся между собой в ближайших родственных, в крайнем случае теплых, дружеских отношениях.

В момент посадки публики за помосты с вином и кормом я культурно сбежала оттуда, успев повидать и Малышева, и его протеже, ради которого, оказывается, он меня и пригласил.

Удаляться пришлось в свободной манере, по-английски, не прощаясь.

Тем не менее время я провела не без пользы – получила возможность рассмотреть вблизи нескольких неизвестных

мне доньше торговых и финансовых воротил нашего города. Это могло пригодиться в будущем. Диапазон интересов сыщика широк – от содержимого помоек до разгадки тайн банковских вкладов, от бомжа до финансового воротилы. Сегодня неизвестно, что может потребоваться завтра.

Если уж быть откровенной до конца, то чувствовала я себя там не в своей тарелке из-за повышенного интереса к моей скромной персоне – как же, Татьяна Иванова, частный детектив, которой постоянно и сногшибательно везет во всех ее делах. Знала бы эта расфранченная публика цену такому везению. Мне эта известность совсем не по душе, да и роду занятий совершенно не способствует. Считаю более полезным держаться в тени, но популярности не избежать, если сумела многим в нашем Тарасове помочь, а многим помешать в осуществлении не совсем чистых и честных планов. Поэтому отношение у людей ко мне разное.

А тут еще господин Малышев со своим приятелем. Я прямо-таки увяла, как услышала от Ганса:

– Татьяна Александровна, я знаю, вы избегаете дел, связанных с уголовными преступлениями, которыми занимаются милиция и прокуратура, но, как мне кажется, тут случай особый...

Выслушала я его приятеля по имени Василий Дмитриевич Крапов и ничего особого, а уж тем более интересного в его рассказе не обнаружила.

На улице уже совсем по-сентябрьски похолодало и было

то самое мое любимое время суток, когда день уже выгорел, а вечер еще не вошел в свои права. В такие часы, послав к черту заботы и хлопоты тяжелого трудового дня, хорошо пройтись пешком по дороге домой, подышать воздухом и отдохнуть душой перед ужином и телевизионными неприятностями. К сожалению, мой рабочий день границ не знает, поэтому отдыхать душой под желтолистыми кронами каштанов, вдыхая аромат увядания, пришлось по дороге к жилищу Крапова В. Д.

Пожалела я его чисто по-человечески и только поэтому не отказалась от дела сразу, пообещав переговорить с его дочерью. Но для себя решила твердо – это все, что я для них сделаю.

Ларису Симонову, дочь Крапова, было жалко еще и сугубо по-женски. Как отвратительно и страшно подвергнуться насилию целой группы самоуверенных подонков, может представить только женщина, мужчине это не под силу, если, конечно, он не отец потерпевшей. У меня язык не повернулся объяснить Крапову, отцу Ларисы, что по закону я не вправе проводить сыскные действия по преступлениям, относящимся к разряду особо тяжких. Да и вообще не могу конкурировать с милицией и прокуратурой.

– Дело в том, что моя дочь Ларочка около недели тому назад была изнасилована по дороге к нашей даче тремя молодыми... я даже не могу назвать их людьми, извините.

Не во хмелю еще, но уже с запахом спиртного, Крапов был

бледен, взъерошен и угрюм – типичное состояние человека, много пережившего за последнее время.

– Не понимаю, зачем я вам понадобилась? – спросила осторожно, чтобы не задеть его равнодушием.

– Я хочу попросить вас о помощи.

– Вы же знаете от Ганса или, если хотите, от Малышева, что чисто уголовными делами я не занимаюсь, – сказала и прикусила язык, такая досада отразилась на его лице. Крапову явно изменяла выдержка.

Он, не придав значения возражению, отвел меня к окну, полуприкрытому сборчатыми шторами, подальше от праздничной суеты и посторонних ушей.

– В милиции открыли уголовное дело, но сколько времени прошло – а воз и ныне там. – Он безнадежно махнул рукой. – Все они поют на один лад, твердят, мол, приметы Лариса запомнила только самые общие, без особых. Городской район, по которому можно было бы вести поиски, тоже неизвестен. Да и попутчики этих парней не запомнили, так что и свидетелей тоже нет. А фотороботы получились невыразительными. Раздали, говорят, их милицейским патрулям по городу, да что толку! Я уж и деньги предлагал неплохие. Можете себе представить – не берут! Значит, сами не верят в то, что найдут этих подонков. Вы согласны со мной?

Я ответила, что согласна, но случай для следствия действительно трудный. Он глянул зверем, но сдержался и продолжил прежним, скорбно-спокойным тоном:

– Игорь мне посоветовал обратиться к вам. Он вас хвалил, очень, да я и сам слышал об Ивановой. Поймите, не могу я оставить это происшествие без последствий. Готов заплатить любые деньги...

Посочувствовав, я спросила, чего же он ждет конкретно от меня, уж не помощи ли милиции в ее розысках, но получила не ответ, а его соображения о причинах случившегося. Это действительно могло быть очень полезным для расследования.

– Татьяна Александровна, это месть. Некто, желая отомстить мне, организовал надругательство над моей дочерью.

Ну да, конечно, ни больше ни меньше. Хотя, как говорится, для первого приближения...

– У вас есть предположения на этот счет?

Вопрос глупый, но необходимый, ибо настраивает собеседника на краткость. Конечно же, они у него есть, раз он предположил подобное.

– В делах я бываю неуступчив и безжалостен, особенно с недобросовестными партнерами.

Ему захотелось пуститься в описание своих деловых качеств, но я остановила его.

– При всем моем сочувствии к вам и вашей дочери не могу дать согласие сразу. Вникать в подробности ваших взаимоотношений с партнерами считаю преждевременным, а вот с Ларисой поговорить обещаю.

– Сделайте это сегодня! – попросил он таким голосом, что

я согласилась и взяла его визитку, на обратной стороне которой он написал свой адрес и номер сотового телефона.

Повертев ее в руках, я пропустила мимо ушей многое из того, что он говорил о недобросовестных партнерах, и сочла необходимым перебить, обращая его внимание на одну странность:

– Вы действительно сильно насолили кому-то, если даже здесь не можете обойтись без телохранителя.

Подействовало хорошо – он запнулся на полуслове.

– Без телохранителя, – повторила я, не дожидаясь недоуменного вопроса. – Тот молодец у соседнего окна, за моей спиной...

– Не-ет! – замотал головой Крапов. – Никаких телохранителей. У меня их отродясь не бывало.

Молодец, заметив, что мы внимательно разглядываем его, поспешил удалиться. Во мне даже проснулся слабый интерес к происходящему.

– Тогда поздравляю вас. Наш разговор почти от начала и до самого конца был внимательно прослушан вон тем человеком.

– Для вас это важно?

– Это может оказаться важным для вас. Ну и для меня, если я решу покопаться в вашем деле. Кто он?

Крапов этого не знал, я ему поверила и поспешила поскорее отделаться от него, заявив, что здесь не место для подобных переговоров. По-видимому, слова мои прозвучали весо-

мо. Вскоре я уже мчалась оттуда с визиткой Василия Дмитриевича в сумочке, слегка раздраженная всем и всеми.

Теперь надо было выполнять обещание. Встретиться с Ларисой я решила не откладывая, чтобы уже утром иметь возможность позвонить и вежливо отказать им в своей помощи. Тут важную роль играло еще одно обстоятельство – если краповские предположения окажутся справедливыми и мне удастся докопаться до косвенных виновников – вдохновителей преступления, – то еще неизвестно, какая в результате этого начнется война и с какими жертвами и последствиями. Нет, к черту!

Хотя как знать. По силам ли мне окажется не допустить широкомасштабных военных действий, ограничив их локальным конфликтом – достаточным, но не чрезмерным.

В общем, к Ларисе я пришла, склонная отказать от этого почти безнадежного дела.

Ей едва исполнилось двадцать, и больно было видеть на совсем еще девичьем лице столь грустные и усталые глаза.

Несмотря на то что разница в нашем возрасте всего каких-то семь лет, мне не сразу, но все же удалось разговорить ее, преодолеть сковывающую ее настороженность. Но когда дело пошло на лад, проговорили мы долго. Беседовали о разном, но и о ее беде тоже. Как я и ожидала, ничего такого, что послужило бы стоящей зацепкой, на которой можно строить хотя бы первоначальную версию, она мне не сообщила. Хотя и ужасный, но вполне заурядный случай такого рода. При

расставании она попросила меня прийти еще. Не по делу, а просто так, как к подруге. Я даже оставила ей свой телефон.

Когда ушла от нее, вечер был уже в самом разгаре. Народу на улицах прибавилось. Молодежь веселыми табунками дефилировала по проспекту. Среди мужской ее половины встречались и белобрысые, и коренастые, и вообще – на любой вкус народу хватало.

Не скоро к Ларисе вернется желание так же беззаботно тусоваться в дружеской компании.

Закусила я в кулинарии, не желая тратить дома время настряпню, пусть даже самую простую, и к концу трапезы бесповоротно решила встречать сегодняшние сумерки дома. И непременно одна. Сейчас я испытывала чувство, какое бывает у ребенка, которому пообещали новую игрушку.

Был в рассказе Ларисы момент, абсолютно незначительный на первый взгляд, но заслуживающий внимания. Милиции она о нем не сообщила. Не сумели те в расспросах до него докопаться. Как знать, порой незначительная мелочь может послужить ключом... Но не будем пока об этом.

– Расфрантилась, расфрантилась, мамзель! Вот она, посмотрите-ка, каблучками цокает, одной ногой пишет, а другой зачеркивает!

Ольга Олеговна, моя соседка по лестничной площадке, энергично пихая локтями в бока престарелых подружек, усиленно привлекала их внимание к моей персоне. Все пра-

вильно. Идет традиционное ежевечернее заседание дворового парламента на привычной трибуне – лавочке у подъезда. Насколько компания бабок приятней общества подгулявших дельцов!

Улыбчиво поздоровавшись со всеми и коротко, но любезно ответив на неизбежные вопросы типа: когда же мужик такой найдется, что сможет меня под венец затащить и до каких пор буду бросать машину посреди двора, когда гараж под носом. Я постаралась как можно тише стучать каблуками, чтобы не вызвать новой серии сатирических замечаний, и сунулась было в подъезд, но услышала сзади:

– Подожди, подожди, Танечка!

Оторвав от скамейки могучий зад, Олеговна торопилась за мною. Я дождалась ее в дверях. Ухватив за локоть, соседка потянула меня вовнутрь, подальше от посторонних ушей, приговаривая таинственным полусшепотом:

– Ты вот что, душа-девица, не мое, конечно, это дело, но все же мужиков своих к порядку приучай хоть немного. А то что же это получается? Тебя дома нет, а они в дверь ломаются, в замках ковыряются...

После такого сообщения мгновенно включилась голова, и я сообразила, что это не Костя. У Чекменева ключи есть, и ковыряться он в замках не станет. Кто? И когда? И зачем? Домушники-взломщики? Так те без предварительной разведки, не определив, есть ли в доме что-нибудь ценное, трудиться не будут, несмотря на, казалось бы, многообеща-

ющую бронированную дверь. У меня же, кроме телевизора и старенького компьютера, в квартире ничего представляющего для них ценность, за исключением, конечно, тряпок, хорошей косметики и дорогих моему сердцу книг. Не то!

– Что ты, Олеговна, – очень искренне удивилась я. – Ты всех моих женихов наперечет знаешь, никто из них на такое не способен.

– Вот и я подумала, лезет к тебе посторонний! Ну, а зачем – понятное дело.

«Совсем не понятное», – возразила я про себя, слушая ее во все уши.

– Это ведь я так про твоих-то, начать чтобы, ляпнула. Так что, гляди, поопасись.

– Когда это случилось?

– Только что! – возмутилась она моему спокойствию. – Хорошо, если час прошел. Я как раз во двор собралась выходить, и он тут как тут. Ничего, одет прилично, при галстукке, хоть и без пиджака. А в руке у него сумка, небольшая, черная. Знаешь, такая, через плечо которую носить можно. Крепенький мужичок, хороший и молодой. У него еще усишки под носом пробиваются. Видно, отпускать только начал. Я, говорит, здесь по просьбе Татьяны. Она, мол, попросила кое-что отремонтировать в квартире, вот я и сделал. И сумку мне раззявил, показал, что в ней. Инструменты там были всякие, и то – немного. Я еще подумала, что за такими железками по квартирам не лезят, поэтому шум поднимать не стала, но

спровадить его спровадила, ты мои способности знаешь.

Я поблагодарила ее и попыталась узнать что-нибудь еще о внешности гостя, но Олеговна больше не смогла вспомнить ничего такого, по чему можно было бы попытаться хоть приблизительно определить личность этого «жениха».

Не скажу, что новость встревожила или сильно озаботила меня, но мыслям новое направление дала, и по нему-то они и двигались все время, пока я поднималась на лифте до своего шестого этажа. Настораживало одно – точно выбранное злоумышленником время, когда меня точно не было дома. Впрочем, это могло быть и совпадением. Но опять же, никого ни о каком ремонте я не просила, тем более не благословляла на него в мое отсутствие.

Дверь открылась с трудом. Один, самый хитроумный из всех, замок, ворча, принял в себя ключ и поддался с неохотой. Это вполне могло говорить о взломе.

В квартире были деньги. Сумма, не способная обогатить кого бы то ни было, но и такую потерять за просто так досадно.

Деньги оказались на месте. И вообще следов визита посторонних я не обнаружила ни при беглом, ни при детальном осмотре квартиры. Должно быть, никакого визита и не было. Не состоялся из-за бдительности Олеговны. Надо еще раз поблагодарить ее при встрече. А теперь надо успокоиться. Были здесь посторонние, нет ли, какая разница, если ничего не пропало. Не стоит волноваться попусту.

Открыв настежь балконную дверь и сдвинув в сторону тюль, я распахнула халат и уселась в кресло напротив нее, совершенно расслабившись. Меня оведал легкий сквознячок. Мурашки, побежавшие по коже, вскоре сменились приятным ощущением здоровой, спокойной бодрости. Медленные волны внутреннего тепла двинулись к поверхности тела, навстречу прохладе. Две равные противоположности породили почти блаженство. Опустив голову на верх спинки, я с удовольствием приняла это ощущение вместе с воздушной ванной. На редкость теплый сентябрь выдался в этом году. Я снова вспомнила о Ларисе.

Насильники, наглумившись досыта, сфотографировали свою жертву, перед тем как бросить ее в перелеске. А орудовавшего фотоаппаратом остальные поторапливали, называя Архивариусом.

Что-то настораживало меня. В самом деле, трое парней в ясном уме и твердой памяти утром погожего дня едут к черту на кулички, за тридевять земель от города, имея при себе один только фотоаппарат. На простую вылазку к природе это не похоже. К кому-нибудь на дачу, где их ждут и где и так есть все, что нужно? Но даже при такой беззаботности должны же были они прихватить хоть пару пива? Хоть хлеба свежего, в конце концов! Нет. Один фотоаппарат. Да еще Архивариус какой-то!

А если допустить невозможность такого и отбросить разом весь скепсис, то есть встать на противоположную точку

зрения, то можно сказать, что троица вышла на охоту и охота оказалась удачной. И такое предположение имеет право на существование. Архивариус, черт их побери!

Жаль, что не имею доступа к милицейским архивам. Полезно было бы посмотреть, нет ли в недалеком от сегодняшнего времени прошлом подобных случаев. И если б таковых не оказалось, но предположение оставалось верным, то они последовали бы, и в самом скором времени.

Но доступа к архивам у меня нет.

И еще. Лариса накануне злосчастной поездки побывала у гадалки. Та предсказала ей несчастье и, чтоб отвести беду, посоветовала обратиться к специалисту по снятию порчи. К гадалке она обращалась не впервые и по простоте душевной вполне доверяла ей. И здесь послушалась бы наверняка, не заломив ворожея несуразную цену за сомнительную услугу – аж пять тысяч отечественными! У отца Лариса денег просить не стала и оставила все как есть. А сейчас, дурашка беденькая, жалеет.

Кстати, о гадании! Самое для этого время. Когда колеблешься, выбирая решение, нет ничего лучше.

Пришлось подняться. Я достала из книжного шкафа замшевый мешочек и вытряхнула из него на ладонь три костяных двенадцатигранничка. Они легли цифрами:

$$3 + 16 + 28.$$

«Сомневаясь в чем-то, рассмотрите крайности затруднившего вас вопроса, а решение его ищите посередине. Середи-

на всегда золотая».

Крайности я уже рассматривала, а в середине побывать не успела. Сделаю это под хорошую сигарету.

Быстро сменив халат на спортивный костюмчик, я выбралась на балкон, чтобы не портить дымом атмосферу квартиры на ночь глядя.

«Архивариус, – подумала еще раз. – Вот пластинку-то заело!»

Оглядела привычную панораму крыш и древесных крон с уже успевшими пожелтеть листьями. Городской центр. А вот на этом доме, ближайшем, через улицу, раньше кошка по утрам вытаскивала на ненагретый еще металл кровли котят для моциона. Дом старый, крыша на три этажа ниже, и мне хорошо были видны все ее мучения по сгребанию в кучу бестолково разбредавшего потомства. Вот через это слуховое окошко она их и выводила. Сейчас в нем чья-то рожа маячит, на меня пялится и стеклышком блестит. Хорошее у него стеклышко.

Человек вылез на крышу, осторожно положил рядом с собой фотоаппарат с телеобъективом. Интересно. Не молодой же месяц он фотографировать собрался. Обнаженную натуру в незашторенном окне напротив? Очередной экзот-страдалец? Так рано для этого. Люди не только спать не готовятся, но даже и света еще не зажигали. И сам хорош. В белой рубашке, при галстукке и в спортивных штанах, засученных до колен. Господи, сколько уродов появилось в послед-

нее время!

Ба-атюшки, голову поднял, ручкой мне машет. Здравствуйте, здравствуйте! Нет, не здоровается он, вниз показывает. На меня и – вниз. В оригинальности не откажешь. Так мне еще свидания не назначали.

Слегка облокотившись, свесилась через перила, чтобы рассмотреть поподробнее этого оригинала...

Хрустнула деревяшка, кусок балконного ограждения легко откинулся наружу, вываливаясь с шестиэтажной высоты, и я нырнула вслед за ним, лишившись опоры. Уже падая в пустоту, рефлекторно расслабила ноги, тело изогнулось, рука выбросилась назад и пальцы мертвой хваткой вцепились в стальной прут неповрежденной загородки. Все произошло настолько быстро, что лишь теперь сердце ушло в пятки блотающихся в воздухе ног. Но это лишь заставило меня зажмуриться, сжать зубы и крепче стиснуть пальцы вокруг спасительной железки, невзирая на боль в почти вывихнутом плече.

Долго мне в таком положении не продержаться, и помощи ждать неоткуда.

– Не-ет!

Подтянувшись сколько могла на одной руке, я забросила вторую на балконную плиту, но не достала до прутьев, и через секунду рука сорвалась. Все! Сил хватит только для того, чтобы повторить такой номер еще раз. И опять до прутьев я не достала, но рука легла на плиту удачнее. Вздернув паль-

цы кверху вдоль по железке, я успела ухватиться за спасительный прут. Через короткое время слизнем по отвесной стене вползла на балкон, сжалась в комочек, задохнувшись от чрезмерных усилий и страха. Но стоило удачно вздохнуть два или три раза, как вернулся голос.

– Не-ет! – подняла я голову.

Где тот фофан с фотоаппаратом, что приглашал меня в свободный полет?

Этот наглец оказался на месте. Спокойно сидел на заднице и целился в меня стеклышком. Без него я полежала бы еще, но вид этого наглеца пробудил во мне ведьму. Подчиняясь злему куражу, я медленно поднялась, косясь на прогал в ограждении. Ноги держали меня, хоть и дрожали в коленках. Тот, внизу, отложил фотоаппарат и глумливо зааплодировал, после чего опять указал на землю.

Что, требуется повторный выход, на бис? Ладно. Я продолжу представление, только с другим номером. Приложу все усилия, чтобы получить возможность расспросить тебя о причинах, по которым засел ты на этой крыше. И пленку отберу обязательно. Вот только скорее бы прошло головокружение.

Осторожно, не торопясь, я добралась до двери и ввалилась в комнату, зацепив и наполовину сорвав с багетки тюль. Прощлепала в ванную, открутила воду и долго хлебала ее большими глотками. Это сильно помогло мне – вернуло силы настолько, что я даже причесалась, рассмотрела в зерка-

ле свое лицо и оценила его бледность. Глубоко подышала и взяла себя в руки, так что в кроссовки воткнула ноги уже без всяких проблем и, не забыв пояс с сумкой, ключи и деньги, выскочила в коридор. Дверь запирать не стала, пожалев и без того драгоценное время, защелкнула только на язычок французского замка. Надеюсь, во второй раз за сегодня в квартиру не полезут.

Взломщик, значит? Взломщик и подпиленные перила на балконе? Ах ты, дьявол!

Глава 2

Олеговна все еще сидела с подругами у подъезда. На меня, спотыкающуюся, с мокрыми после водопоя волосами, они воззрились с удивлением, даже спросили что-то, но не до них мне было. Изо всех сил стараясь не производить впечатления пьяной, я прошествовала к машине, оставленной, слава богу, прямо посреди двора. Попадая ключом в прорезь замка дверцы, всерьез подумала о хорошем глотке горячительного и пожалела, что не додумалась до этого раньше. Ничего, что приходится садиться за руль. После ста граммов коньяка сейчас я чувствовала бы себя только уверенней.

На улицу я выехала осторожно. Обогнула дом и притормозила неподалеку от поворота. Дорога из нашего многоэтажного лабиринта здесь одна, и этого места не миновать ни конному, ни пешему, если, конечно, пеший не предпочтет тропинок по задворкам. Но их знать надо. Покушение с балконными перилами, подпиленными перед самым моим приходом, было подготовлено со вкусом, но наспех, и запасные пути отступления вряд ли намечены. Да и кто подумает, что молодая бабенка, только что висевшая над пропастью на одной руке, уже через десяток минут будет сидеть в засаде, карауля обидчиков.

Вот только укараулить бы!

Вспомнила я о косынке, с месяц, не меньше, валявшей-

ся скрученной в узел в бардачке. Вовремя вспомнила и поблагодарила себя за забывчивость, за то, что не удосужилась прибрать ее на место или выбросить, на худой конец. Достала, раскрутила – мятая. Повязала ее на голову по-пиратски – узлом сбоку. Не ахти какое изменение внешности, но это сейчас все, что в моих силах. Глянула назад, на то место, откуда должен появиться фотограф – пешком или на машине. Стоит помолиться о том, чтобы он уже, пока я копалась, не миновал этого места и не стал ветром в поле.

Нет, но какая наглость все-таки! Вломиться в квартиру через запертую дверь и подпилить балконное ограждение. Это покушение, без всяких сомнений. Причем довольно изощренное покушение. Тот, кто это проделал, сейчас может быть за тридевять земель и чувствовать себя вполне спокойно, потому что, кроме Олеговны, запомнившей из характерного лишь то, что усишки у взломщика пробиваются, опознать его никто не может. Словом, ищи ветра в поле! Если он успел завеяться.

Но кто?.. Один из старых, в прошедшие времена пострадавших от меня недругов, всплывший в нашей проруби, вернувшись из других городов и весей или мест не столь отдаленных? Вопросы без ответа. Пока. А вот фотограф, черт! Еще один архивариус? Или у меня крыша поехала от происшедшего? А что, вполне может быть. После такого не в машине сидеть, трясясь от не прошедшего еще мандража, а в постель – одуревать от лошадиной дозы успокоительного!

Не-ет! Не по мне! Мне бы сейчас кого за кадык взять покрепче да подержать подольше – подействовало бы лучше любых таблеток.

Где гарантия, что фотограф – не участник состоявшегося спектакля? Нет такой гарантии.

Я сжала пальцы кончиками вместе.

За кадык его! У-у-ух, лихорадка!

А я-то думала, что сейчас у меня нет активных врагов. Есть? Конечно! Но я их не знаю, и это страшно. Есть два выхода: бежать, скрываться и выжидать, пока ситуация не разрядится сама собой, или лезть на рожон, действовать активно, нагло и неожиданно для противника, пока он не раскроется. Я выбираю второе. Недаром тарасовские бандиты называют меня Ведьмой.

Вот они!

По улице, с той стороны, с какой я и ожидала, выползла, покачиваясь на асфальтовых рытвинах, машина. Прямая машинка. Старенький «жигуль», облезлый, весь в пятнах незакрашенной грунтовки. Внутри двое. Пассажир тешкает на руках большой фотоаппарат с телеобъективом. Сволочь! Вам, ребята, на такой машине от моей «девятки» не спастись.

Я не стану телом преграждать вам дорогу, доставать по одному и бить лбами об асфальт. Не рехнулась еще. Поедем, куда вам хочется, подождем удобного момента для выяснения отношений. Все-таки нет уверенности, что вы имеете от-

ношение к моей гимнастике на балконе. Как нет и гарантии, что непричастны к ней. Но боюсь, не удержаться мне от грубости, когда буду вас расспрашивать.

Пропустив их вперед на полсотни метров, двинулась следом. Теперь, даже если они скроются, я знаю их машину вместе с номерами. А она их собственная. Угнанную и вообще чужую так бережно вести не будут.

Постаравшись успокоиться окончательно, унять дрожь в руках и не обращать внимания на побаливающее плечо, я ехала за «жигулем», временами приближаясь к нему настолько близко, что можно было ясно различить каждый жест сидящих в нем и оживленно беседующих людей. Ах как хотелось принять участие в их беседе! Или потолковать хотя бы с одним, по душам. Я надеялась, что такая возможность представится и, как оказалось, надеялась не зря.

Они кружили по центру, на первый взгляд совершенно бесцельно, проезжая по одним и тем же улицам дважды. Не ехали, а разговаривали на ходу. Оживленно обсуждали нечто чрезвычайно интересное для обоих. Но не до бесконечности же можно болтать?!

Они вскоре остановились неподалеку от главпочтамта. Прекрасно. Улица тихая, малоезжая, вполне подходящая для знакомства.

Для того чтоб остаться в машине, не поспешить к ним, ставшим теперь вполне досягаемыми, потребовалось усилие. Через короткое время водитель покинул облезлый экипаж и,

оставив фотографа в одиночестве, направился к перекрестку, ко входу в здание почты.

«Звонить пошел, – так я определила для себя его цель, – отчитаться перед работодателями о результатах?»

Времени до его возвращения не могло быть много, и следовало воспользоваться им с наибольшей эффективностью.

Без резких, привлекающих внимание движений, лениво даже, я выбралась наружу, заперла машину и, укладывая ключи в сумку на поясе, неторопливо двинулась к «Жигулям». Но все эти уловки оказались тщетными, потому что фотограф смотрел на меня, не отрываясь, с того момента, как остался в одиночестве. Узнал, наверное, свою фотомодель. Поэтому подошла я к их машине с его стороны.

Приоткрыв рот, он смотрел на меня широко распахнутыми от удивления глазами. Обычное лицо, бледноватое, правда. Темные волосы, короткая стрижка. Галстук на белой рубашке. Вместо спортивных штанов – серые брюки. Гладко выбритое лицо и никаких усишек. А у второго? У того, что на почту пошел?

Фотографа затрясло, как только он меня узнал.

– Мужики, а фотографируя, вы меня ни с кем не перепутали? – спросила я как ни в чем не бывало, наклоняясь к открытому окну.

Он толкнул дверцу и полез из салона головой вперед. Как кстати!

Резким движением колена я ударила по дверце, и она

стойкой врезалась в его темя. Аж звон раздался!.. То ли дверца звякнула, то ли голова отозвалась пустым звоном. Он только охнул, но не смутился и намерения своего не изменил – толкнул дверцу еще раз и полез вперед, на сей раз не теменем, а коленями. Отступив на шаг и не обращая внимания на редких прохожих, я лягнула его в грудь. Фотограф приложился головушкой к шишковатому навершию рычага переключения передач и поднялся не сразу, схватившись за виски. А когда попытался это сделать, я, успев обежать машину, скользнула на водительское место и крепко взяла его за галстук. Мужчины, знаю, иногда называют их удавками. Метко!

– Так, может, вы меня все же спутали с кем-то? – повторила я вопрос, затянув шелковую петлю на его шее, но не настолько, чтобы перекрыть ему дыхание. – Отвечай!

– Пусти! – попросил он, благоразумно перестав трепыхаться.

– Вставай, – разрешила я. – Но води себя хорошо, или я тебя ударю еще раз.

Первое, что он сделал, приняв вертикальное положение – избавился от галстука, вытянул его из-под воротничка и бросил за спину.

– Ты чего на людей налетаешь? – очень запоздало возмутился фотограф. – Я ведь могу и милицию...

– А ну заткнись! – прикрикнула я. – Нет у меня настроення словесную жвачку жевать. Отдай фотоаппарат и отвечай

на вопросы кратко и правдиво.

– Какие вопросы? – Он нагнулся за упавшим на пол фотоаппаратом, подставив спину, и я не удержалась от соблазна – ткнула его локтем между позвоночником и правой лопаткой.

– Что ж ты делаешь! – проскулил он сдавленным голосом, повернув ко мне сморщенное от боли лицо.

– Убеждаю тебя разговаривать нормально.

Ключ торчал в замке зажигания, и двигатель запустился сразу, без проблем.

– И отвечать, не задавая вопросов.

Пока он разгибался, прогибался и шевелил плечами, я успела развернуть машину.

– Фотоаппарат! – напомнила ему свое требование, но он взялся за ручку дверцы, явно намереваясь выскочить на ходу.

Ах ты, свинья неугомонная!

Тыльной стороной ладони, согнув и напружинив пальцы, я сильно шлепнула его по лицу, придавила педаль газа и почти сразу резко свернула вправо, в арку, ведущую во двор. Инерцией его бросило на меня, и я его оттолкнула, вырывая одной рукой. Подвела машину к сараям и остановила между двумя старыми раскидистыми тополями.

– Зараза! – прошипел фотограф, отнимая ладони от окровавленного лица.

– Кто послал тебя фотографировать мое падение с балкона? – заорала я на него. – Ты ответишь, или мне еще на тебе

потренироваться?

– Хватит.

Он бросил тяжелый фотоаппарат мне на колени и полез в карман за носовым платком – вытирать кровь, сочащуюся из разбитых губ.

– Илона послала. Да на хер мне это все! – взорвался он в отчаянном возмущении. – За гроши морду под кулак подставлять, да еще бабе!

– Кто такая Илона? – спросила я совершенно спокойно, открывая фотоаппарат и вытаскивая из него кассету с пленкой.

– Ведьма. Старуха. Гадалка. Сволочь!

– Попонятней, пожалуйста, подробнее.

– Ты что, Илону не знаешь? К ней жены и дочери всех богатеев тарасовских в очереди стоят судьбу попытать, – он сплюнул в окно. – Что было, что будет, чем сердце успокоится!

Он отчаянно выматерился, шлепая раздувающимися губами.

– Ты вытирай губы-то, – напомнила я ему, заталкивая кассету в сумку на пояс. – Смотри, рубашку слюнями пачкаешь. Где задание получил?

– На презентации «Гейзера».

– Когда?

– Да сегодня же! Ты что? Ты же там была.

Как здорово! Я даже угостила его сигаретой, закурила са-

ма и задумалась на минуту. Вот, оказывается, откуда ветер дует. Но – малопонятно. Нуждается в осмыслении. Ладно, на будущее.

– Слушай, когда за неудавшееся дело с вами начнут разбираться, скажи там, что ерунда, мол, произошла и что я никаких дел ни с какой Илоной, ни против нее не имела и дорожку ей не перебегала никогда. И еще передай, что я, Татьяна Иванова, запомни, очень хочу теперь с этой Илоной встретиться, потолковать, чтоб сердце успокоилось.

– Не так это просто. Она баба с большим норовом.

– А мне плевать на ее амбиции! – возмутилась я. – И не с такими приходилось дела иметь! Тем более что за эту фотоработу я ей счет открываю, пусть платит. Нет чтобы предупредить человека об опасности! Так что пусть платит, а ты как думал! И пусть поторопится с извинениями. Если, как ты говоришь, человек она известный, мне не составит труда самой отыскать ее через пару дней. Пусть поймет правильно, я не просто угрожаю.

Оглядев свои губы в зеркале заднего вида, он выбросил перепачканный кровью платочек все в то же окошко и повернулся ко мне.

– Знаешь, я не молюсь на нее, как некоторые, поэтому скажу тебе прямо, здесь не было никакой ошибки. Да и не ошибается она, не такой человек, поверь. На презентации ты рядом с Тимом крутилась, а он ей враг.

Нет, весь мир сегодня с ума сошел, причем помешатель-

ство с ним случилось буйное! Вокруг меня крутились, это – было. Но чтоб я... Неужто с памятью что-то после всего?..

– Что за Тим? – спросила я тихо, но чувствуя, что хватит меня ненадолго, что еще чуть, и отдамся припадку бешенства, и уже не ведьмой, а волчицей натворю таких дел!..

– Кторов! – изумился он. – Тимофей!.. – но, взглянув на меня, поежился и залепетал скороговоркой. – Он тоже с ней был до последнего времени, а теперь отошел что-то, врагом стал. Много знает, наверное. А я что? Я ни при чем почти. Так, иногда, ради сотенки лишней выполняю просьбы, фотографирую клиентов, что за судьбой к ней приходят.

– А Крапов здесь ни при чем?

– Какой Крапов? Не знаю такого. Правду говорю, никогда не слыхал о Крапове.

Правду он говорит, не лжет – по глазам видно. Ублюдок! Просьбу выполнял! Сфотографировать, как человек с шестого этажа падать будет!

– Зачем ей это?

– А ты у нее спроси. Вот пойди и спроси. Сама.

Все, устала я с ним, извините!

Сгребла его за воротник, а когда он попытался замахать руками, скрутила ворот так сильно, что получилось не хуже удавки. Поддержала, посмотрела в глаза на буреющем от приливающей крови лице и отпустила не раньше, чем появился в них прежний страх.

– И много у тебя таких фотографий?

Он судорожно глотал, и кадык его шевелился, а у меня зачесались кончики пальцев.

– Много, пес, таких, что для Илоны за лишнюю сотенку делал?

– Откуда? – прохрипел он. – Отдаю все.

Я оскалилась и потянулась к его шее.

– Найду! – пообещал поспешно.

– Смотри, обещал. – Я ткнула пальцем в его разбитые губы, он дернулся, и я ограничилась этим. – На моем балконе ты работал?

Не он. Верю. Так не врут.

– Кто? Приятель твой?

Ах, ни при чем он, не у дел вообще, согласился помочь тебе с машиной – и только? А куда пошел? Жене звонить? Доложить, что скоро приедет? И ты думаешь, я тебе...

– Он меня в машине ждал, внизу, у соседнего дома, ни при чем он, клянусь! Не допрашивай его, не позорь меня окончательно!

Последняя вспышка ярости совсем лишила меня сил. Закружилась голова, замутило. Чтобы не понял он, что со мной происходит, я закрыла глаза и, будто в раздумье, опустила голову. Надо уходить. Второй, после звонка кому бы то ни было, мечется сейчас, разыскивает машину. Найдет. А меня обессилеть угораздило. Не до него мне!

– Документы! – прорычала я, через силу пытаюсь сохранить прежний тон.

Подождала и открыла глаза. Полегчало немного. Фотограф дрожащей рукой протягивал мне паспорт. Мельком глянув на фотографию, я затолкала паспорт в сумку к кассете и тщательно ее застегнула.

– Зачем тебе паспорт? – заныл он. – Я и так все сделаю, обещал же.

– Отдам, когда погляжу фотографии клиентов Илоны, мать вашу! Ночь не спи, а сделай. Завтра я за ними приеду. Жди.

– Пленку отдай, с меня голову снимут!

– Завтра! – настаивала я, чувствуя приближение тошноты.

Все, скандал закончен. Продолжать его сил нет. Хорошо, если хватит меня на то, чтобы удалиться достойно.

– Живи! – одарила его ценнейшим пожеланием, вылезла из машины и что есть силы хлопнула дверкой. Даже жалко стало – машина-то здесь при чем?

Чистый тенистый дворик, двухэтажные старые домишки с трех сторон, тополя и запах гниющих досок. Сумерки здесь наступят раньше, чем на улице. Идеальное место для того, чтобы брать себя в руки. Я полной грудью вдохнула влажно-ватый воздух вместе со здешним покоем и, строго контролируя качество походки, двинулась к выходу на улицу.

Из-под арки оглянулась – фотограф, откинувшись на подголовник, отдыхал от волнений или готовился к новым. Пусть живет.

На улице становилось свежо, и мне, как говорят, захоро-

шло. Не нужно здесь ни на кого орать, никого хватать за шиворот. Закурив еще одну сигарету – обстоятельства меня оправдывали, – вышла из арки и потихоньку направилась в сторону своей машины, не обращая внимания на прохожих, с интересом поглядывавших на нетвердо ступающую да еще курящую на ходу девицу. Сейчас я не отбилась бы даже от белобрысого без компании.

Может, и попался мне навстречу дружок фотографа, да я его не узнала. Видела только издали, и то в профиль. Теперь все равно. Фотограф у меня в кармане. Вернее – в сумке. Рядом со своим паспортом. А что я его вожденной сотенки лишила, так с голоду не помрет, перетерпит.

В машине сидела долго. Все не решалась завести ее и отогнать к дому. Боялась. Да и самочувствие не позволяло. А когда совсем стемнело, я поняла, что зверски проголодалась, и обрадовалась – хороший признак. Тело просит еды, значит, прихожу постепенно в норму. С вождением вспомнила помосты с вином и едой в отделанном разноцветным мрамором холле и поняла, что если не приму срочных мер, то взвою с голодухи, как бездомная собака в зимние холода. Добралась до ларька на углу главпочтамта, купила печенья в хрустящей упаковке и пластмассовую бутылку какой-то дряни, пахнувшей парикмахерской. Хорошо хоть из холодильника.

Ехала к дому медленно и долго, хоть и было до него недалеко. Хрустела печеньем, роняла куски на колени и радовалась наступившему бесчувствию. Почти отдыхала. А ко-

гда добралась, бросила машину посреди двора и лифт понес меня наверх, подумала, как показалось мне впервые за долгое-долгое время, вполне здраво: «А ведь опасно сегодня дома-то ночевать! Доложит фотограф, если уже не сделал этого, хозяевам, что повезло мне остаться в живых, и те могут послать специалиста, чтобы пристукнуть. Бронированную дверь один раз уже преодолели, значит, теперь дорога в мой дом проторена. А про гадалку он рассказал мне вздор какой-то. Или все это вздор, или она связана с организаторами покушения..».

На большее здравого смысла не хватило, потому что следующей была мысль короткая, но энергичная: «Плевать!»

Такой голод, как сейчас у меня, не удовлетворишь каким-то там печеньем. Загрузив стол в комнате горой холодной еды, я включила телевизор и взялась за дело неторопливо и основательно, под забугорный фильм о том, как дубоватый с виду инспектор ущучивал в совершении убийства известную престарелую киноактрису. А когда он ее арестовал, я почувствовала, что наелась и не могу проглотить больше ни куска. Сварганив кружку кофе, развалилась в кресле, закурила и неожиданно для себя рассмеялась.

Чудно, ей-богу! Мой, хорошо, что не состоявшийся, полет с балкона в конечном итоге привел к тому, что нажралась я на ночь глядя, как дурак на поминках. Вот и докатилась до черного юмора.

Это очень неплохо – юмор. Это значит, что я в норме,

окончательно и, надеюсь, бесповоротно.

Встает вопрос, что делать дальше. Спать? Уснуть мне едва ли удастся. Для этого уж совсем деревянной надо быть. И про опасность подумать неплохо бы. Не плевать, а помнить о ней. Есть у меня в городе вторая квартира, нелегальная, записанная на чужое имя. Но ехать туда – не значит ли бежать и скрываться? Как ответил старый еврей на вопрос о его самочувствии? Не дождетесь? Не дождетесь вы этого, непонятные, но смертельные мои враги.

Я дотянулась до сумки, с которой была нынче на презентации, достала из нее визитку Крапова, сняла трубку и набрала номер, на ней обозначенный.

Ответила мне Лариса. Извинившись за беспокойство в позднее время, я спросила имя ее ворожеи, той, которая не дождалась от нее затребованных пяти тысяч.

– Илона, – ответила она удивленно и поинтересовалась, для чего та мне понадобилась.

– Хочу будущее узнать, – соврала я не мудрствуя. – Так что и адрес ее мне, пожалуйста, и телефончик. И как туда добраться – тоже.

Записав все затребованное, я спросила:

– Как зовут вашу ясновидящую по-настоящему?

– Илона, – ответила Лариса равнодушно, – просто Илона.

Оказалось, живет эта просто Илона неблизко и с клиентурой работает там же.

– Приезжайте ко мне, – еще раз попросила Лариса перед

тем как проститься.

— Непременно, — пообещала я, и на этот раз вполне правдиво. — Может быть, даже завтра.

Так что же мне делать, если в собственном доме заснуть опасно, а бежать из него — унижительно?

Я выглянула на балкон, и стало холодно спине. В свете, падающем из окна, провал в ограждении был виден в подробностях. Хорошо сработано. Это не пошлый наезд на переходящего улицу и не примитивная стрельба вплотную или на расстоянии. Когда жертва попадает в такую ловушку, убийца вполне может находиться от нее за тридевять земель и в полной безопасности.

Мастер слесарных дел, который так хорошо все здесь подготовил, работал не сам по себе. Как и фотограф.

Я взяла его паспорт, взглянула на молодое, приветливое лицо.

Да, если верить господину Самопрядову Виктору Дмитриевичу, проживающему... так, неблизко он живет, но добраться можно. Холостяк. Значит, если верить ему, гадалка Илона, нагадавшая дочке Крапова уже сбывшиеся неприятности, послала его, Самопрядова, запечатлеть мое падение с балкона. Поди ты, прозорливица какая! Не верю я в ясновидение такого уровня.

Нет, к Самопрядову я поеду, как и обещала ему, завтра. Пусть подготовится, на это время требуется. А вот к гадалке... Сердце успокоить, а? Такого от меня ждать не мо-

гут. Потому что, по всем представлениям, чересчур прытко. Прытко до неправдоподобия.

Конечно, это опасно. Но полностью безопасно нигде не может быть.

Появиться там, где меня не ждут, и выйти на прямой контакт с людьми, очень может быть, знавшими о грозящей мне опасности, хотя бы для того, чтобы спросить у них, откуда все это им известно. Такое мне нравится!

А что, и голова больше не кружится!

На том конце провода трубку долго не брали, а когда ответили, то удивили сочным баритоном.

– Мне нужна Илона, – попросила я без приветствий.

– Кому она нужна, будьте любезны, – попросили меня представиться.

– Татьяне Ивановой.

– Подождите минуту.

И действительно, ждать пришлось очень долго, но я вытерпела. А когда дождалась, то получила ответ настолько неожиданный, что не успела правильно отреагировать.

– Вы впервые к ней обращаетесь?

– Да, – ответила, растерявшись.

– Звоните утром, вас запишут и назначат время. У нас очередь.

Трубку сразу же повесили, а я смотрела на свою, приоткрыв в удивлении рот.

Нет, любезные, судя по словам фотографа Самопрядова, имя мое не знать вы не можете, а посему позвольте обойтись без записи, по знакомству. А то несправедливо получается: вы меня знаете, а я вас – нет. Решено, едем!

Задержалась я только для того, чтобы бросить кости.

$8 + 20 + 25$.

«Даже в самых затруднительных ситуациях старайтесь сохранять внутреннее спокойствие. Это поможет сберечь силы и действовать наилучшим об – разом».

Как говорится, комментарии излишни.

Глава 3

Я проехала мимо дома с номером, сообщенным мне Ларисой, и припарковалась за углом поодаль, между двумя сетчатыми заборами и аккуратным трехэтажным домом на краю асфальтовой площадки, скупо освещенной стоящим за деревьями фонарем. Судя по разметке на ней, площадка предназначалась именно для парковки. Удобное место. Все в этом районе частно-богатой застройки было продумано для блага человека и навещающих его друзей. Если не имеет гадалка денежных благодетелей, то, выходит, сама зарабатывает ой как не слабо!

Да, это был особняк!

Во двор я попала через обитую железными украшениями «под старину» калитку и пошла по дорожке, выложенной керамическими квадратами.

Я увидела небольшой парк, производящий впечатление старого, с раскидистыми и высокими деревьями, со смыкающимися над головой кронами. Может, таким он кажется только в темноте?

– Иванова? – послышался впереди женский голос.

Ого! Час поздний, а меня здесь встречают. Можно подумать, я приехала сюда по приглашению.

Ускорила шаг и вышла к двухэтажному дому с темными окнами, возле которого меня действительно дожидались.

– Илона? – обратилась я к женщине, одетой в нечто, напоминающее тяжелый и длинный халат с широкими рукавами.

Мужчина, стоявший рядом с ней, открыл передо мной дверь, и в тусклом, красноватом свете, выбившемся из-за нее, я хорошо разглядела его лицо. Высокий лоб со шрамом над бровью, мясистый нос и впалые щеки.

Женщина же показалась мне старухой.

– Иди, – сказала она ласково. – Она тебя дожидается.

«Не Илона», – определила я очевидное, когда дверь за мной спиной закрыли.

Странные тут понятия о гостеприимстве. Ну, ничего, особой вежливости я от них и не ожидала. Однако почему меня здесь ждут? Я не по записи явилась. Опять чертовщина. Тоже мне, ясновидцы!

Прихожей не было. Чуть ли не от самого порога вверх вели крутые ступени неширокой лестницы, и каждая из них еле слышно поскрипывала под ногами. Стены справа и слева и никакого намека на перила. Старому и больному здесь подниматься только на четвереньках. И освещение слабое.

Светильником работал большой, до потолка, крест на стене, с короткой перекладной в верхней его части. Прямотаки полыхал оранжевым, не слепящим глаза пламенем. Да, обитают здесь оригиналы, имеющие странное представление о стильном дизайне.

Уже пройдя мимо креста по короткому коридору к деревянной лакированной решетке, заменяющей дверь, я огля-

нулась и только отсюда сумела разглядеть фон самого перекрестья, еле заметным рельефом выделяющийся из плоскости стены, – пятиконечная звезда, заключенная в круг.

Расчет хорош! На лестнице и в коридорчике окон нет, темно в любое время суток, и вопрошатели оракула, несущие Илоне свои деньги, прямо от входа окунаются в атмосферу нездоровой мистики, созданную добротной выполненной символикой.

– Входи!

Женский голос прозвучал в полной тишине настолько неожиданно, что мои потрепанные за сегодняшний вечер нервы дернулись и заставили меня вздрогнуть. Чья-то рука до половины сдвинула в сторону деревянную решетку, открыв для меня вход, и я вошла.

– Это Иванова, – с дебильной приветливостью объявили за моей спиной. Я оглянулась. Холеный, хорошо одетый старик улыбчиво смотрел на меня добрыми глазами.

За пустым овальным столом, стоящим посередине почти пустого, плохо освещенного зала, сидели двое. Женщина, скорее пожилая, чем среднего возраста, и парень не более двадцати трех лет с самоуверенной до наглости физиономией. Третий стул пустовал. Я подошла и, не говоря ни слова, уселась на место приветливого старика.

Круглый плафончик светильника, стоявшего посреди стола, освещал лица, руки и ничего более. Я совершенно беспардонно стала рассматривать эту женщину.

– Рада познакомиться, Татьяна Иванова, – сказала она и подняла на меня глаза.

На ее темном и глухом, застегнутом под горло платье синими искрами сияло ожерелье из благородных камней.

– Не могу сказать того же о себе, – процедила я сквозь зубы и вспомнила совет гадальных костей всегда сохранять спокойствие.

Старик невозмутимо подтащил откуда-то стул, уселся напротив меня и осведомился:

– Вам неприятно общество незнакомых людей? Вы настолько необщительны? – Прилепленная к его лицу улыбка начинала меня раздражать.

– Давайте не будем тратить время на лицемерие, – попросила я его, а потом обратилась ко всем: – Вы прекрасно осведомлены о том, где я живу, и не удивлюсь, если знаете даже номер моей машины. А я принимаю вас за тех, кем являетесь на самом деле, – за людей, принимавших определенное участие в покушении на мою жизнь.

– А-а! – всплеснул руками старик.

Молодой фыркнул носом, а взгляд Илоны стал тяжелее некуда.

«Эй, ведьма, – подумала я, тоже уставившись на нее, – не занимайся чертовщиной. Не поддаюсь я никаким гипнозам!»

Мой взгляд она выдерживала долго и сама не отводила глаз. Чувствовался в ней снайпер в такого рода перестрелке.

– Высказывание ваше голословно, – нарушила она установившееся молчание.

«Сохранийте внутреннее спокойствие, – повторила я про себя для профилактики. – Это поможет сберечь силы и действовать наилучшим образом».

– Коллеги, прошу спокойствия! – будто прочтя мои мысли, воззвал к своим старик. – Эта женщина, – он подался ко мне, – к сожалению, возбуждена сверх меры. Не усугубляйте ее состояние, выбирайте выражения и следите за своей интонацией. Петр! – попытался он остановить уже открывшего рот молодого, но не вышло.

– Мне до смерти странно! – пожал тот плечами. – Нет, правда! Она врывается к нам ночью, чуть ли не кричит и предъявляет какие-то дикие обвинения!

– Петр! – урезонивал его старый.

– Нет, Нестор, погоди! – настаивал он на праве голоса. – Права качать нехитро, это всякий может. Пусть она объяснит сначала, зачем вообще приехала. Мы ее не приглашали.

Как ни старался Нестор остановить молодого, а не сказал ему в мою поддержку ни слова. Все трое уставились на меня в ожидании ответа.

– Повторяю! – Я поднялась наконец до вершин ледяного спокойствия. – Вы знаете меня настолько, что даже вычислили мой приезд сюда после телефонного звонка. Я же вижу всех вас впервые. И в своих планах до сегодняшнего вечера не имела намерений каким-либо образом вмешиваться в

ваши делишки. Взяться же за наведение справок о госпоже Илоне меня заставило покушение на мою жизнь, к организации которого вы имеете некоторое отношение. Ваше стремление отрицать очевидное еще более укрепляет мои подозрения. Если откровенно, я не поздравляю вас с таким достижением. А теперь хочу узнать, – повысила я голос, чтобы не дать Петру, открывшему рот, перебить меня, – причины покушения.

Глупая улыбка сбежала с лица Нестора, и оно в серьезном варианте оказалось совсем не привлекательным. Петр сидел не двигаясь, приоткрыв от неожиданности рот, а про Илону можно было сказать словами Остапа Бендера: «Что вы смотрите на меня, как солдат на вошь?»

– Какого еще покушения? – возмутился молодой. – Она не в себе, что ли?

Натурально получилось, молодец, браво! Но он может и не знать о покушении.

– Покушение, гм! – Нестор быстро облизал тонкие губы. – Хорошо, а почему вы думаете, что мы знаем об этом?

– Ну что вы! – поддержала его Илона. – Я впервые слышу, уверяю вас!

– Иного я не ждала, – изрекла я после короткого молчания, рассчитанного на то, чтобы они поняли, что я и в грош не ставлю их слова. – Вам нужны доказательства? Они у меня будут, можете не сомневаться. Но чтобы собрать их, придется ближе познакомиться с вами, господа авгуры, с ваши-

ми методами ведения дел, и с людьми, несущими в это заведение свои деньги. Я проделаю это, несмотря на ваше обязательное противодействие. Опыт в таких занятиях у меня немалый. А когда доказательства будут собраны, я не стану с вами разговаривать. Что для вас лучше, выбирайте сейчас, здесь.

Нестор помял пальцами подбородок и медленно, глубоко вздохнул. Затем так же медленно покачал головой и, прежде чем парировать, состроил удивленную гримасу:

– Нет, я ничего не понимаю. Набирайте свои доказательства и действуйте, если имеете такое желание. Для чего, в таком случае, вы сюда приехали? Нет, не понимаю. Я вас не понимаю! – Он даже руками потряс перед лицом, на которое уже вернулась прежняя ухмылка, и на этот раз она оказалась глумливой.

– Бросьте, – сказала я как можно небрежней. – Вы все умные люди, иначе не могли бы так ловко облапошивать простаков предсказаниями и всякой скорой оккультной помощью. Я приехала сюда, повторяю, рассчитывая получить от вас объяснения причин покушения. Объяснитесь, не заставляйте меня тратить время на сбор доказательств вашей вины, не осложняйте своего положения.

– Уже и вины! – хмыкнул Петр. – А ты смелая, Иванова.

Я пристально посмотрела на него – что это еще за авторитет местного масштаба? Что за шишка в глубокой ямке?

– Петр! – в очередной раз одернул его Нестор и обратился

ко мне: – Вы считаете, что сейчас мы могли бы еще договориться?

Ага! Лед тронулся! Если не последует какой-нибудь каверзы, то это уже почти признание...

– Все так неожиданно! – вставила слово Илона.

– Черт возьми, Илона! – возмутился Нестор ее выступлением. – Да, неожиданно. И очень похоже на вымогательство.

«Спокойно. Они защищаются, – удержала я себя в руках, – наверняка сказать нельзя, но, похоже, Самопрядов не доложил им о допросе, иначе они не защищались бы так прямолинейно».

– Вот так у нас все и бывает! – воскликнул Петр. – Сфабрикуют доказательства, пришьют дело и заставят отдуваться!

«Лед тронулся, – думала я. – Знакомство состоялось, и сомнения рассеяны. Признания от них ждать глупо, давить нечем. Надо блефовать. Грубо и примитивно, пусть. Сейчас важен не результат, а реакция».

– Ты про Тимофея забыл? – вполголоса спросил Нестор Петра, и тот захлопал глазами, ничего не понимая.

Я сделала вид, что собираюсь подняться.

– Ухожу, – объявила во всеуслышание. – Хотела с вами договориться. Получить с вас, конечно, соответствующую компенсацию за случившееся и какие-то гарантии своей безопасности на будущее. Вижу, напрасно надеялась. Я ухожу, а вы ждете неприятностей.

– Тим, Петя! – вдалбливал молодому Нестор. – Ты обещал

его отправить, иди! Он заждался.

Тим? Враг Илоны? Возле которого, ха, я крутилась на презентации?

Петр вспомнил или понял наконец, что от него хотели, встал и торопливо вышел, оставив нас втроем.

– Внутренние дела, Татьяна, не обращайтесь внимания, – повернулся старый ко мне. – Я прекрасно понял все, что вы наговорили. Мы люди добрые, хоть у вас и другое мнение. Более того, мы отзывчивы на беду своего ближнего. По роду деятельности каждый день сталкиваемся и со счастьем, и с бедой человеческой. Мы помогаем, если это возможно. Вы спросите у наших клиентов, вам подтвердят. Мы хотим и вам помочь, очень этого хотим, поверьте мне. И, как все нормальные люди, неприятностей не ищем. Давайте все обсудим. Но только не в таком тоне, ладно? Попробуем поговорить спокойно. Вы сможете? Или давайте встретимся завтра?

Я смогла бы, хрыч ты старый. Но ты погнал Петра отправлять Тима. Тимофея. А он – враг Илоны, так сказал Самопрядов. До завтра они смогут выбрать линию поведения. Это плохо. А я, продумав все добытое до мелочей, определяю их слабые стороны. Это хорошо. Тим может оказаться и моим врагом, но тем не менее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.